

КОЛОСЪЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ-
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА-
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА Б 1918

СОДЕРЖАНІЕ:

Во имя бога и царя...—К. О. Н. Quasi una fantasia—Е. Новорусская. Чего
нельзя забыть.—В. Роганъ. Воспоминанія—Феликсъ Конъ. Эстетика Плеханова—
Валентинъ Рожницынъ. Себастьянъ Гомесъ—перев. съ франц. Сергей Миро-
вичъ. Выставка Блохъ и Штейнбергъ—Александръ Гатовъ. Стихи—Левъ Ни-
кулинъ, Е. Новская, Дзайонъ, П. Шлейманъ. О книгахъ. Рисунки, виньетки,
концовки и заставки.

№ 10.

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ (Союзбанкъ).

г. Харьковъ, Николаевская площ., № 9 (противъ Биржи) тел. 44-07.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

(вклады, текущіе счета, переводы, аккредитивы, инкассо).

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 1/2 0/0	}} на 1 годъ	5 1/4 0/0	
б) По вкладамъ: до востребованія	5 0/0		" 2 года	5 1/2 0/0
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5 0/0		свыше 2 лѣтъ по соглашенію.	

Въ цѣляхъ предоставленія публикѣ удобствъ Союзомъ
ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ:

уг. Николаевской площ. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОЮЗЪ“ ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ, ТРУДЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вышли изъ печати: „Короткий нарис Украинської мови“, О. Сенявскій. А. П. Марковъ—„Мѣстные финансы“.
ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ.

Культурно-историческая библіотека

подъ ред. проф. Д. И. БАГАЛІЯ.

- Проф. Д. И. Багалій—„Історія Слободської України“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Історично-етнографічний побутъ Слободської України“.
Таранушенко—„Мистецтво у Слободській Україні“.
А. С. Федоровскій—„Смѣны культуръ на території Слободской Украины въ доисторическую эпоху“.
Айзеншток—„Українське відродженнє у Харкові в 20—40 роках XIX ст.“.
Проф. М. Х. Сумцов—„Розвій Української літературної мови“.
Проф. Д. И. Багалій—„Заселеннє південної України (Новоросійського краю)“.
Проф. Д. И. Багалій—„Український філософ Г. С. Сковорода“.
О. Д. Татаринова—„Вас. Наз. Каразинъ“.
Н. Д. Ладыженская—„Просвѣтительная дѣятельность Харьковскаго Университета“.
Е. М. Извозовъ—„Е. С. Гордѣнко“.
М. А. Плевако—„Слобожанські письменники—Гулак-Артемовський, Квітка і інші“.

Естественно-историческая библіотека

подъ ред. проф. В. И. ТАЛІЕВА.

- „Растительный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—проф. В. И. Таліева.

„Птицы-друзья чеповѣка“—Г. А. Брызгаліна.
„Ископаемая богатства Украины“—прив.-доц. А. С. Федоровскаго.

„Природа и населеніе Слободской Украины (Харьков. губ.)“, пособие по родинознанію. Въ составленіи принимаютъ участіе: прив.-доц. А. С. Федоровскій, Д. К. Педаевъ, В. Г. Аверинъ, проф. В. И. Таліевъ и др.

„Животный міръ Украины и смежныхъ мѣстностей“—ч. I. Позвоночныя. ч. II. Безпозвоночныя. Принимають участіе проф. А. И. Никольскій, В. Г. Аверинъ, проф. П. П. Сумскихъ и др.

Намѣченъ рядъ темъ по разнообразнымъ вопросамъ естествознанія для популяризаціи въ широкихъ массахъ населенія.

Соціально-экономическая библіотека

подъ ред. доц. І. А. ТРАХТЕНБЕРГА.

- М. Н. Соболевъ—„Кредитъ и его роль въ народномъ х-вѣ“.
Ф. М. Крамаревскій—„Мелкій кредитъ и его значеніе“.
П. И. Лященко—„Мелкій кредитъ и сельское хозяйство“.
А. С. Векслерчикъ—„Кооперация и хлѣбная торговля“.
А. Н. Янцферовъ—„Історія кредитной кооперации въ Россіи“.
И. М. Хоткевичъ—„Кооперация въ Галичинѣ“.

А. А. Богомоловъ—„Земство, его значеніе и задачи“.

Г. Циперовичъ—„Синдикаты и тресты“.

І. А. Трахтенбергъ—„Бумажные деньги“.

П. Любимовъ—„Утопическій и научный социализмъ“.

Школьно-педагогическая библіотека

подъ ред. Д. Г. ПАНАДІАДИ.

- Проф. Сумцов, О. М. Плевако і проф. Багалій—„Літературна українська хрестоматія“.
Орфографічний і русско-українск. словари.
Учебники для высшей и низшей українськихъ школь.
Українскіе классики.
Русскіе классики.
Драматическая литература оригинальная и переводная.
Литература о народныхъ домахъ, просвѣдательныхъ о-вахъ и проч.

Сельско-хозяйственная библіотека

подъ ред. проф. А. П. ЧЕЛИНЦЕВА.

- Книги по экономіи, организаціи, техникѣ сельского хозяйства, общественной агрономіи и сельско-хозяйственной кооперации.

На книжномъ складѣ „СОЮЗЪ“ имѣется: Литература по всѣмъ вопросамъ кооперации и разнообразнымъ отраслямъ знаній. Уставы кооперативовъ. Счетоводные бланки и книги. Календарь.

Адресъ издательства: Харьковъ, Николаевская площ., № 9. Адресъ книжн. склада: Харьковъ, Московская ул., № 18.

Во имя бога и царя...

ОГНЕННЫМИ оковами скручена Россія... Кровавымъ плугомъ чужеземныхъ наѣздниковъ изрѣзано и искромсано ея нѣкогда могучее тѣло, и кровоточащія борозды-раны отдѣляютъ одну часть живого организма отъ другой... Вопль истонъ несется изъ края въ край, отъ Тихаго океана до Балтики и отъ Чернаго до Бѣлаго моря... Одна сплошная вѣющая рана, растраниваемая изо дня въ день, съ часу на часъ... А на горизонтѣ все новыя и новыя, грозящія новыми испытаніями, черныя, какъ запекшаяся кровь, тучи...

Безъ просвѣта, безъ надежды...

Земныя силы, съ которыми связывались эти надежды, изсыхли, застыли, какъ слезы въ глазахъ умирающаго... И безпомощныя, темныя, озирающіяся въ ужасѣ и трепетѣ за чужой, посторонней помощью массы, извѣрившіяся въ своихъ силахъ, не видя предъ собою ничего, вѣщающаго спасеніе, оглядываются назадъ, поворачиваются лицомъ къ прошлому и тамъ, у давно уже развѣчанныхъ боговъ, ищутъ спасенія...

Въ далекой Сибири, нынѣ волей судебъ становящейся ареной мировыхъ состязаній двухъ имперіалистическихъ гигантовъ, когда „красная русская бабушка“ — оспа безпощадной косой сноситъ цѣлыя инородческіе поселки, наивные туземцы, уже десятки лѣтъ поклоняющіеся Свѣтлому Апостолу и Богу любви, не видя отъ него помощи въ обрушившемся на нихъ несчастіи, обращаются къ шаману, жрецу черной силы. И удары бубна кудесника, словно гимнъ торжества прошлаго надъ будущимъ, несутся, какъ встарь, по сибирской тайгѣ, и скованное гипнозомъ населеніе вѣритъ въ мощь старыхъ, давно обанкротившихся духовъ, и съ этой вѣрой погибаетъ и оно, и ихъ вѣра, и жрецы этой вѣры...

Такъ было, такъ есть!

Такъ было въ минуты отчаянія съ евреями во время ихъ странствованія по пустынѣ, когда они отворачивались отъ живого Бога и падали ницъ передъ созданными ими самими идолами... Такъ было въ години испытаній — холеры, чумы — въ средніе вѣка... Такъ было и въ началѣ этой войны во Франціи, въ безбожной Франціи, такъ недавно еще проведеншей, несмотря на громовыя проклятія римскаго святѣйшества, отдѣленіе церкви отъ государства... То же повторяется, и въ Россіи и на Украинѣ...

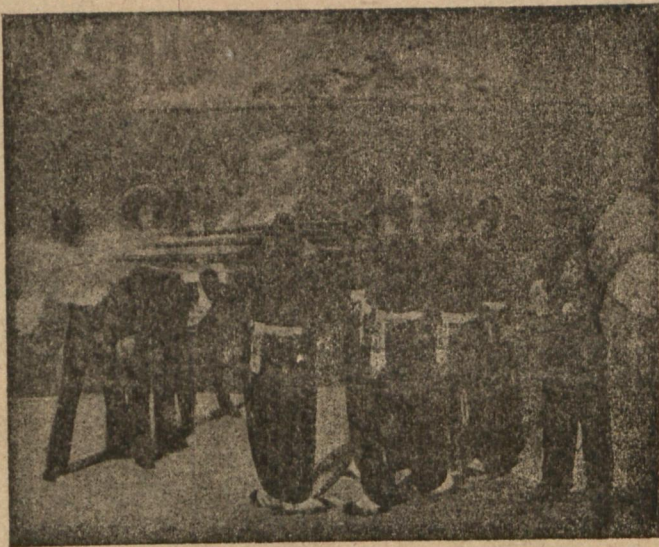
И всюду, даже не вслѣдъ, а одновременно со священникомъ грядетъ сила, которая, вдохнувъ жизнь въ цер-

ковь, всегда, во все времена, поддерживала ее — поддерживалась и ею. Эта сила — монархизмъ...

Демократическая, республиканская Франція, десятилѣтіями боровшаяся за освобожденіе отъ смирительной королевской рубашки, сжимавшей ее и парализовавшей всякое свободное движеніе, сразу почувствовала надвигающуюся на нее въ 1914 году бѣду, содрогнулась отъ ужаса и начала готовиться къ бою... И врагъ присмирѣлъ, струсилъ, скрылся изъ виду, ступедался до новой, болѣе удачной попытки...

Въ Россіи — не то! У нея нѣтъ боевыхъ традицій свободолюбивой Франціи, нѣтъ ея исторіи, нѣтъ яснаго и трезваго взгляда на событія... Шаманскій гипнозъ на нее еще дѣйствуетъ...

Звуки чудеснаго бубна знахаря-кудесника еще дѣйствуютъ на ея воображеніе... Она не видитъ и не сознаетъ, что скрывается подъ мантией священника, она вѣритъ еще въ силы небесныя, ждетъ отъ нихъ помощи и наполняетъ храмы божіи, ждетъ чуда... А вмѣсто этого чуда ей преподносятъ идола, въ котораго она нѣкогда вѣрила, какъ въ бога, въ которомъ видѣла помазанника божьяго, и относительно котораго убѣдилась, что онъ только царь, только „первый дворянинъ и хозяинъ земли Русской“...

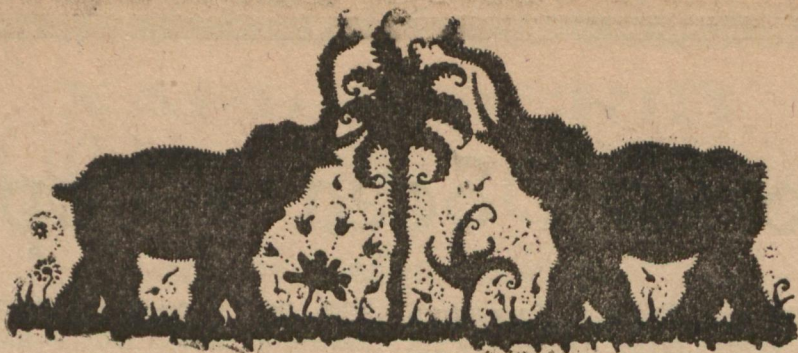
Э. Мане. Разстрѣлъ императора.

Объятая отчаяніемъ и ужасомъ, удрученная и потрясенная великимъ горемъ, Россія молча, словно въ оцѣпенѣніи, стоитъ одинокая, всеми покинутая, въ ожиданіи чуда... А вмѣсто этого чуда — хлѣба освобожденія, вмѣсто той манны небесной, о которой она мечтаетъ, ей преподносятъ давно ей извѣстный, мохомъ поросшій камень царизма... Вмѣсто слова спасенія и ободренія — жестъ обмана, лицемерныя увѣренія, что ея спасеніе въ старомъ, извѣденномъ молью царскомъ знамени, на которомъ кровью замученныхъ написаны слова вѣчной ненависти и гнета: „самодержавіе, православіе, народность“...

Изъ всѣхъ норъ уже выползаютъ исчезнувшіе, было, гады, и съ Іудиными подѣлуями, отравленными измѣной лобзаніями, пытаются обольстить массы. И по всему лицу земли русской ведется эта подземная работа, а Россія, истекающая кровью, изнемогающая въ борьбѣ, объятая ужасомъ, передъ лицомъ новыхъ надвигающихся на нее испытаній пассивно и молча переноситъ эти Іудины лобзанія...

К. О. Н.

Павелъ 1-ый.

(Отрывокъ изъ поэмы).

Уже просвѣчивалъ въ узорѣ
Чугунный барельефъ оградъ;
Уже алѣли въ небѣ зори
И обагрjali Петроградъ;

И, возвращаясь на разсвѣтѣ,
Мечтать и вѣрить не уставъ,
Я видѣлъ переломъ столѣтій
И—алебарды у заставъ.

Какія тѣни въ окнахъ синихъ,
Когда лампада догоритъ,—
Жестокій Биронъ или Минихъ,
Превознесенный фаворитъ?

Въ каріатидахъ Эрмитажа
Одна и та же рабья злость...
И кто-то въ шляпѣ и плюмажѣ
Идетъ, перегибая трость.

Тревожимъ затаенной местию,
Онъ смотритъ каждому въ упоръ:
Сегодня—звѣзды и помѣстья,
А завтра—плаха и топоръ.

И, можетъ быть, предатель-Паленъ
Идетъ аллеей, трепеща,
У леденѣющихъ проталинъ
Взвивая складками плаща...

И, можетъ быть, спѣшать убійцы...
Все глуше страхъ въ его глазахъ!
И вѣрное ружье мальтійца
Всю ночь у двери на часахъ.

Левъ Никулинъ.

Москва.

Легли до свѣта. Конь распряженъ.
Костеръ до вечера притухъ.
Сквозь сонъ плыветъ отъ спѣлыхъ
пашень,

Томить-бодрить медовый духъ...

Подъ перелѣскомъ—платъ гречихи
Колышатъ вздохи знойныхъ дремъ...
Земля строга, и звѣзды тихи
Предъ тайно зрѣющимъ царемъ.

Но высоко по тучамъ рѣя,
Прищураясь, мѣсяцъ смотритъ вдаль,
Гдѣ край небесъ, огнемъ зарѣя,
Для жатвы плавить ночи сталь...

Е. Новская.

Когда душѣ зажглись мерцанья яви,
отвѣтилъ дѣдъ ребенку на вопросъ:
— Великій Богъ въ своей побѣдной славѣ
на небо звѣздами пророчество вознесъ.

Прошли года. Ребенокъ въ мужа выросъ.
Душа загадкой той же пронзена.
Но такъ же темень вѣковой папирусь,
и не разгаданы святыя письма.

П. Шлейманъ.

Въ закатный часъ я въ міръ былъ
одинъ.

Качался маятникъ сверкающихъ
мгновений.

И скованный ко мнѣ явился геній—
Моей мечты безумный паладинъ.

Бѣлѣла цѣпь сверкающихъ коронъ—
Прекрасные вѣнцы моихъ творений.

И я стоялъ надъ сонмами видѣній,
Лазоревымъ сіяньемъ озаренъ.

Дэвайонъ.

Quasi una fantasia.

НАЧАЛОСЬ въ лунную ночь, когда дорога лежала бѣлая отъ снѣга, а поросшія елями скалистыя горы сдвинулись въ причудливой игрѣ свѣта и тѣни... Живой потокъ бурлилъ и рокоталъ, какъ и прежде, а навстрѣчу имъ, оттуда, гдѣ раздвигаются скалы и открывается видъ на снѣговья вершины, неслась упоительно свѣжая струя горнаго воздуха...

Это было смутное, напряженное чувство, въ которомъ смѣшалось наслажденіе окружающей природой и ощущение чьего-то близкаго присутствія... неясно бродившая мысль и общее состояніе пробужденія и недовѣрія къ происходящему, и бѣглый, грустно прозвучавшій вопросъ: „Зачѣмъ мнѣ не 16 лѣтъ?..."

Звучали аккорды, и плакали струны, вздыхали ноктюрны, и смѣясь грустили шопеновскіе вальсы; величаво нѣжную и чуждо страстную, подернутую дымкой прошлаго повѣсть рассказывала сѣдая баллада... и властно царила бетховенская соната...

Налеталъ и съ шумомъ проносился весенній вѣтеръ, смѣялось солнце, буйнымъ вихремъ вырывались изъ души долго дремавшіе подъ снѣжнымъ настомъ пламенные цвѣты воображенія...

Росла и ширилась лунная сказка, пылало лицо и горѣли очи... въ сладкомъ экстазѣ чудилось—кто-то рядомъ блѣднѣетъ отъ волненія, часто, порывисто и нервно вздыхаетъ, чутко откликаясь, переживаетъ эти звуки...

Широко развертывался небесный куполъ, большая и яркая Венера, казалось, бросала тѣнь на землю, не было

тяжести лѣтъ и гнета невысказанныхъ страданій (воскресала въ сердцѣ милая легенда), и такъ легко, незамѣтно бродилось, опираясь въ бесѣдѣ на чью-то славную руку, а во взорахъ дрожалъ еще отблескъ таинственно распахнувшихся въ музыкальномъ сновидѣніи, такъ странно знакомыхъ обоимъ, залитыхъ ослѣпительнымъ солнечнымъ свѣтомъ, лучезарно манящихъ далей...

Пылалъ каминъ, и звучали тихія рѣчи... Роднымъ и забытымъ вѣяло отъ нихъ: простое и ясное чувство любви къ своему народу, поэзія деревенской жизни, мелькнувшій вдали огонекъ чужого семейнаго уюта...

Улыбаясь и молча слушала она, какъ порой изъ этихъ устъ вырывались потоки гнѣвныхъ словъ въ отвѣтъ на доходящія политическія новости: и это было понятнымъ и близкимъ.

Продолжала улыбаться она и во снѣ и лежа ночью безъ сна, ощущая тепло и ласку нахлынувшей грезы...

Долгіе годы прошли въ хмуромъ снѣ души. Искерпавъ и опустошивъ себя въ единомъ чувствѣ, она мало-по-малу

отодвинулась, отошла отъ друзей юности, глубоко замкнулась и ожесточилась въ своемъ одиночествѣ, стала видѣть въ людяхъ лишь субъектовъ и объектовъ дѣйствія. Обладая отъ природы большимъ запасомъ энергіи, страстно любя жизнь и борясь за нее, она вся ушла въ утвержденіе своего начала, сурово отменяя самую возможность грусти и слабости, не ища людей, не имѣя даже времени въ нихъ вглядываться. Поверхностно общительная, она всегда казалась бодрой и веселой... Но бывали въ эти 10—15 лѣтъ періоды страстной мучительной тоски, когда все меркло въ глазахъ, и даже линяло утверждаемое ею начало...

Мятущаяся душа безумствовала въ человѣческомъ одиночествѣ и не находила выхода. Минуетъ и покрывается корой забвенія... Отъ очерствѣнія спасали только ясныя дѣтскія улыбки и звонкій и радостный дѣтскій смѣхъ...

А многіе вокругъ искали ея дружбы, иные благоговѣли, другіе уважали, и двое безумно любили: одинъ—еще юный, больной и странный—добровольно порвалъ нить жизни, уйдя въ царство мертвыхъ тѣней, не вызвавъ и этимъ сочувствія; другой упорно и настойчиво добивался отвѣта, долгіе годы съ тревогой вглядывался въ расширявшіеся въ моменты тоски зрачки ея глазъ, съ глубокой и трепетной лаской ловилъ заломившіяся въ часы раздумья большія и гибкія руки... добился уступки, но не сумѣлъ ее удержать.

Не было той глубокой искренней симпатіи, которая позволяетъ людямъ угадать другъ въ другѣ больше, чѣмъ они могутъ сказать, не было

той сердечной простоты, которая живетъ и молодитъ душу, какъ роса утренній цвѣтокъ...

Лунная соната и лунная сказка природы прорвали давнишній сумракъ. Стало теплѣе въ себѣ и кругомъ, ярче засверкали южныя звѣзды, шире раздвинулся и задышалъ, какъ въ былые годы юности, небосклонъ, бѣлый и чище засверкали снѣга.

Два-три прекрасныхъ мгновенія—и такъ же внезапно потухъ загадочный свѣтъ.

Однажды во время игры, когда звенѣли натянутыя душевныя струны, она уловила выраженіе разсѣянности и постороннихъ мыслей тамъ, гдѣ привыкла видѣть живой и горячей откликъ... Незамѣтно прекратились вечернія прогулки и безчисленные милые знаки вниманія, холодно и чуждо стали звучать голоса.

Наканунъ предполагаемой разлуки она затопила у себя каминъ и подкатила къ нему большое кресло: оно осталось пустымъ...

Въ эту ночь она уже не улыбалась: глубоко зарывшись въ подушку, глухо и тяжело рыдала, изрѣдка бросая взоръ въ темную ночь безъ луны и безъ звѣздъ...

Гойя.

Разстрѣлъ революціонеровъ.

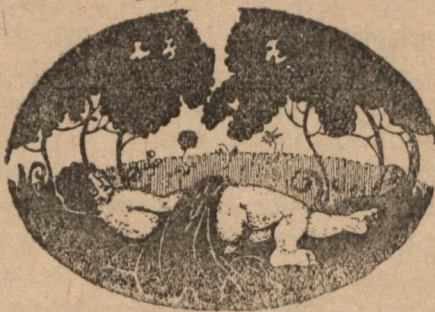
и не было облегченія въ этихъ слезахъ: бившаяся въ нихъ горькая обида ковала и закаляла душу въ суровой непреклонности и жизненномъ одиночествѣ.

То уже не пальцы на клавишахъ рояля — то ея собственная душа кончала мучительнымъ sforzando заструившійся съ глубокихъ низовъ и стремительно быстро докатившійся до высокихъ тоновъ, такъ недавно мимолетно и чутко подслушанный имъ въ свѣтлую ночь аккордъ бетховенской лунной сонаты.

Потомъ опять было хорошо (воскресала въ сердцѣ милая легенда), и тихій ангелъ безшумно рѣялъ въ чутко насторожившейся тишинѣ той комнаты, гдѣ долгое время молча сидѣли они вдвоемъ, когда всѣ уже разбрелись по своимъ угламъ.

А день спустя она играла одна въ опустѣвшемъ залѣ и лишь временами, вздрогнувъ, порывисто и испуганно оборачивалась: въ придвинувшемся вплотную ночномъ сумракѣ ей еще явственно слышался шорохъ и чей-то знакомый, смутный вздохъ...

Е. Новорусская.

Чего нельзя забыть...

ПОМНЮ я...

Три мѣсяца пришлось пролежать въ госпиталѣ. Было это въ Галиціи.

Госпиталь австрійскій, только что захваченный насѣдавшими нашими войсками.

Первыхъ дней, когда сильный жаръ палилъ тѣло, когда сознание почти не возвращалось ко мнѣ, — я не помню. И вотъ въ первый разъ проснулся ночью...

Кругомъ — тишина. Мерцаетъ лампа. Все въ госпиталѣ спитъ, и, вдругъ, ясно слышу тихій звонъ колокольчиковъ, открывается дверь, съ фонаремъ въ рукѣ, вся въ черномъ, съ капюшономъ на головѣ появляется монахиня, подходитъ къ постели и, склонившись надо мной, что-то шепчетъ, перебирая четки.

Слышу, кто-то стонетъ въ сосѣдней палатѣ. Не сонъ ли это? Снова закрываю глаза.

Съ этого дня я началъ поправляться.

Въ госпиталѣ врачи, и сестры-монахини, и раненные, и больные — большей частью, австрійцы.

Помню своего сосѣда...

Русскій офицеръ. Онъ такъ жалостно стонетъ, такъ беспомощно призываетъ ему помочь, такъ горько, по дѣтски, плачетъ, что я не выдерживаю запрета, сбрасываюсь съ постели и бѣгу къ нему.

Какой же онъ несчастный!.. Истощенный, худой, весь вытянутый, еле говорить. Зато скорбные глаза за него рассказываютъ, какъ онъ страдаетъ...

Онъ раненъ и давно болѣетъ грудной жабой. Ему не хватаетъ воздуха, не можетъ свободно дышать, и кажется ему, что вотъ-вотъ задохнется и умретъ.

Дышать, дышать, воздуху, хоть немного воздуху!

„Господи, молится онъ, только съ полчаса бы подышать, какъ всѣ люди, лечь на спину и вздохнуть полной грудью!..“

А ночью кричитъ, иногда же, задыхаясь, хрипитъ. Семья его далеко въ Россіи, и, видно, доживаетъ онъ послѣдніе свои дни.

„Дѣточка, милая моя дѣточка, ну, дайте же мнѣ воздуха или смерти, молитъ онъ меня, разъ вздохнуть и умереть, дышать, какъ я когда-то дышалъ!“

Плачетъ онъ, и я самъ плачу, безсильный ему помочь.

Однажды привезли массу отмороженныхъ...

Въ госпиталѣ — оживленіе, готовятся къ операціямъ. Въ Карпатахъ начались снѣжные метели: и везутъ, везутъ изъ мерзлыхъ окоповъ солдатъ съ отмороженными конечностями. Морозы начали дѣлать свое дѣло: къ огню орудій и заразнымъ болѣзнямъ присоединился третій союзникъ, — и славно работаетъ это тройственное согласіе во славу Бога Войны.

Помню по ночамъ откуда-то снизу плывущіе странные, непонятные, тревожные звуки, и не знаю, дѣйствительность это или галлюцинація?...

Мнѣ не почудилось: этажемъ ниже помѣщается 30 человѣкъ русскихъ и австрійцевъ, лишившихся разсудка...

Есть одинъ офицеръ моего полка.

Послѣ наступленія ворвался съ передовымъ отрядомъ въ зажженную непріятельскими снарядами деревню, бросился въ горящую избу, и помѣшался.

Въ дыму въ избѣ разглядѣлъ обуглившіеся трупы, и одинъ изъ труповъ еще стоналъ.

Никассо.

Трудъ.

Есть врачъ.

Служилъ на санитарномъ поѣздѣ, и во время съемки раненыхъ, однажды, по недосмотру, были забыты въ одномъ изъ вагоновъ два тяжело раненыхъ; пролежали безъ пищи и помощи, пока ихъ не нашли, снова нагружая поѣздъ.

Одинъ умеръ. Врачъ бѣжалъ на передовыя позиціи и сталъ обходить всѣ лазареты и госпитали, провѣряя, всѣмъ-ли раненымъ оказана помощь?

И каждую ночь несутся изъ-подъ пола дикіе, завывающіе крики и, ширясь и разрастаясь по всему госпиталю, вселяютъ жуткій ужасъ. Одинъ крикъ вздымается надъ всѣми, одинъ крикъ покрываетъ всѣ.

Кричитъ солдатъ-австріецъ: двухъ братьевъ, раненыхъ и истекающихъ кровью, покинулъ подъ стѣнами Перемышля, и это свело его съ ума. И вотъ, когда онъ вырывается изъ состоянія оцѣпенѣнія, онъ воетъ, какъ обезумѣвшій отъ непонятнаго ужаса звѣрь. Тогда сразу оживаетъ все психіатрическое отдѣленіе: кто-то поетъ, кто-то монотоннымъ загробнымъ голосомъ читаетъ, какъ надъ покойникомъ. Но все заглушается, все покрываетъ собою протяжный звѣринный вой.

Много времени проходитъ, пока удастся успокоить безумныхъ. Въ госпиталѣ опять тишина.

На столикѣ лежитъ у меня книга: „Красный смѣхъ“ Леонида Андреева.

Теперь я ее снова перечелъ и убѣдился, что ни одна книга, никакое произведеніе человѣческой мысли не можетъ дать представленія о войнѣ и ея ужасахъ.

„Нѣтъ, говорю я, чтобы знать, что такое война, надо самому быть на войнѣ, надо самому видѣть ея кошмары, и это скажетъ каждый, видѣвшій войну!“

Помню письмо рядового къ своимъ родителямъ...

„Дорогіе мои родители, писалъ онъ, вы прочтете мои строки, что я въ письмахъ къ вамъ пишу, про свою несчастну долю, какъ я здѣсь сейчасъ живу.“

Ахъ, отецъ, мои родные: мать и братья и сестра, читать будете, не плачьте, знать ужъ долюшка така.

Сердце кровью мое дышитъ, самъ не знаю, отчего дней ужъ свѣтлыхъ мнѣ не видѣть, — время красное прошло

Сколько радости и жизни эта служба унесла, все мы терпимъ: голодъ, холодъ, — но что дѣлать: знать, судьба.

Сколько терпимъ мы, несчастны, оторгнуты отъ семьи, ѣдимъ щипы и чечевицу и гнилые сухари.

Никогда тотъ не повѣритъ, кто въ окопахъ не бывалъ, не пилъ воду изъ баклаги, ночи темныя не спалъ и про домъ свой тогда вспоминалъ“.

Правъ былъ солдатъ: „никогда тотъ не повѣритъ, кто въ окопахъ не бывалъ“...

Въ тѣ ночи, когда кричитъ безумный, особенно плохо дѣлается моему сосѣду.

Помню одну ночь...

Снизу поднимается жуть: кричитъ безумный.

Плачетъ, стонетъ и, временами, хрипитъ, какъ умирающій, сосѣдъ.

На дворѣ — буря, страшно въ госпиталѣ, и я чувствую, что самъ начинаю сходить съ ума.

Вызываю дежурнаго врача. Кое-какъ успокаиваетъ больного.

Стихаетъ понемногу внизу, и только вѣтеръ еще сильнее воетъ. Прислѣлъ на мою постель врачъ, ждетъ, не проснется ли снова больной?

„Колы воно кончится, ое горе?“ спрашиваетъ онъ меня на русинскомъ нарѣчїи и начинаетъ жаловаться на свою судьбу.

Звали его Тадеушъ Киркмутъ.

Сильно нуждаясь, жилъ онъ съ большой семьей въ г. Львовѣ и рѣшилъ еще разъ попытаться бороться съ нуждой и судьбой.

Переѣхалъ въ Бурштейнъ, маленький городокъ.

Ихъ было тамъ всего два врача.

Развивалась практика, появился достатокъ; купилъ домикъ, завелъ хозяйство.

И вдругъ въ жизнь ворвалась война и снова все смела, все разрушила.

Попалъ въ плѣнъ — русскія власти отпустили на время домой.

Онъ былъ тамъ: полгорода сожжено, его домъ уцѣлѣлъ, но внутри все уничтожено, — и нѣтъ ни жены, ни дѣтей.

„Смерть, дежь-ты, закончилъ онъ, чомъ не приходишь во время?“

Такъ странно смотрѣть: рыдаетъ почти совсѣмъ сѣдой, чужой и такой близкій человѣкъ, но нѣтъ ужъ больше жалости къ отдѣльнымъ людямъ, обыденнымъ кажется разсказъ.

Монархія.

А буря все усиливалась.

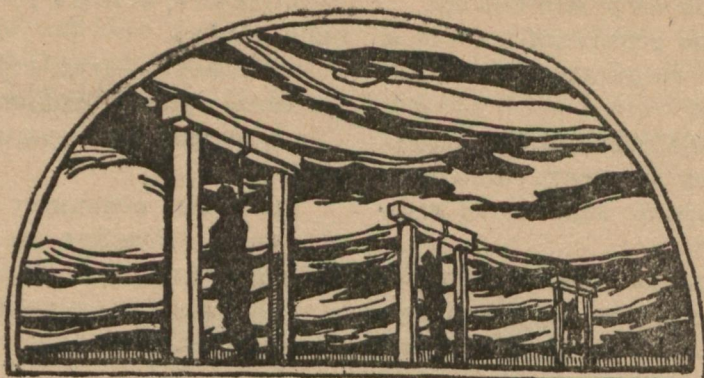
Такого человѣче-подобнаго плача до тѣхъ поръ никогда въ Россїи не слышалъ.

Все казалось, что надрывается покинутый голодный ребенокъ, что жены голосятъ по павшимъ въ бою мужьямъ.

Столько скорби, столько таинственнаго ужаса было въ этомъ воѣ и плачѣ, что, казалось, не хватить силъ пережить эту ночь; будто всѣ жертвы войны: всѣ убитые, раненые, больные, обезумѣвшіе, замерзшіе, обездоленные, лишенные крова и хлѣба, родныхъ и близкихъ — сошлись въ эту свѣжнюю, вѣтренную ночь, — ихъ рыданія, стоны и жалобы слились въ одинъ протяжный, заунывный, грозный, повсюду проникающій вой, вѣчное проклятїе Войны и тѣмъ, кто ее создалъ!

Викторъ Роганъ.

Воспоминанія.

ГЛАВА XI.

В момента раздѣла Польши русское правительство употребляло всевозможныя средства для руссификаціи края, и не добилось абсолютно никакого результата... Чѣмъ сильнѣе оно надавливало, тѣмъ сильнѣе оказывалось сопротивленіе... Польскій языкъ былъ изгнанъ изъ гимназій, насъ заставляли изучать польскій, какъ изучались иностранныя, мы дѣлали переводы съ польскаго на русскій и съ русскаго на польскій, хотя этотъ польскій былъ нашимъ роднымъ языкомъ... За разговоръ на польскомъ языкѣ въ стѣнахъ гимназій насъ жестоко наказывали... — И тѣмъ не менѣе, или вѣрнѣе, именно поэтому, мы настолько не знали русскаго языка, что по прибытіи на каторгу обогатили лексиконъ мѣстнаго жаргона такими выраженьицами, какъ „дѣвичій (вмѣсто „дѣвственный“) лѣсъ“, „смотреть чрезъ пальцы“, „одержать письмо“ и т. п.

Даже съ русскими классиками я ознакомился только въ тюрьмѣ, когда уже элемента принужденія не было...

Я упоминаю объ этомъ потому, что то, о чемъ не смѣло даже мечтать царское правительство, вооруженное огромнѣйшимъ руссификаторскимъ аппаратомъ, было, помимо его воли, достигнуто русской революціонной партіей. Въ сущности, между русскимъ и польскимъ революціоннымъ движеніемъ было весьма мало общаго.

Въ Польшѣ движеніе это базировалось на рабочемъ классѣ, въ Россіи въ то время отчасти на крестьянствѣ, отчасти же на обществѣ. На Польшѣ сказывалось влияние Запада, и, какъ я это уже упоминалъ, характерной чертой партіи „Пролетаріатъ“ было именно судорожное использование всего, что могло бы связать партію съ массами, въ Россіи стремленіе къ массовому движенію считалось въ то время уже пройденной стадіей, уже превалировало убѣжденіе, когда-то сформулированное Желябовымъ, что некрестьянское возстаніе повлечетъ за собою паденіе абсолютизма, а, наоборотъ, за побѣдой интеллигенціи надъ правительствомъ неизбѣжно тотчасъ послѣдуютъ крестьянское возстаніе и крестьянская революція. Но несмотря на все это,—мы „народоволюбили“... Народовольческая идеологія проникала въ „Пролетаріатъ“, и онъ все болѣе и болѣе „руссифицировался“... Героическая борьба „Народной Воли“ съ самодержавіемъ имѣла такую привлекательную силу, что основы, изъ которыхъ она исходила, принимались, какъ откровеніе..

Въ Іюнь 1883 года въ воззваніи къ крестьянамъ „Пролетаріатъ“, указавъ на то, что грядущая революція дастъ фабрики рабочимъ, землю крестьянамъ, а свободу всѣмъ, говоритъ: „А дабы паны не использовали ея (революціи) въ свою пользу, вы должны всей своей массой принять въ ней участіе и сами зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы васъ не обидѣли“... Нѣсколько мѣсяцевъ спустя уже сказывается вліяніе „Народной Воли“. „Пролетаріатъ“ въ „подготовительной“ политической борьбѣ съ правительствомъ видитъ вполне опредѣленную цѣль: „дезорганизовать правительство“, что должно ускорить общественный переворотъ и вынудить правительство на уступки, дающія возможность „организации соціально-революціонныхъ кадровъ“.

Мы руссифицировались. Но въ свою очередь, надо сознаться, мы столь же „удачно“ полонизировали русских товарищей.

Польская пролетарская масса слишкомъ сильно откли-
калась на призывы партіи для того, чтобы и мы въ Польшѣ
могли въ итогѣ придти къ такимъ плачевнымъ, гранича-
щимъ съ отчаяніемъ выводамъ, къ какимъ пришли русскіе
революціонеры послѣ знаменитаго хожденія въ народъ...
Установленіе крѣпкой связи съ массой было перманентной
задачей „Пролетаріата“... Но эта масса была невѣжествен-
ная, темная, мало сознательная... А намъ было некогда...
Надо было торопиться... Къ „свободному творчеству“ въ исто-
ріи мы еще не относились скептически, о „соотношеніи
силъ“—еще не думали... Горячей кровью сердца мы готовы
были подтолкнуть движеніе впередъ и по возможности скорѣе
осчастливить человѣчество...

„Ждать, — говорилось въ одной изъ статей „Пролетаріата“, — пока весь рабочій людъ усвоитъ научныя основы социализма, пока каждый отдѣльный рабочій дойдетъ до того, что самъ сможетъ стать зодчимъ и организаторомъ новаго строя, — мы не можемъ, уже хотя бы потому только, что этого момента мы никогда не дождемся“...

Повторяю, мы смутно сознавали, по какому пути должно идти движеніе, но намъ было некогда...

И мы нашли, какъ намъ, по крайней мѣрѣ, казалось, — выходъ. Можно примириться съ тѣмъ, чтобы масса дѣйствовала, не озаренная лучами сознанія, надо лишь, чтобы она питала довѣріе къ намъ, какъ партіи, къ своимъ руководителямъ и вождамъ. Это считалось вполне достижимымъ... Надо доказать на дѣлѣ, что мы враги угнетателей народныхъ массъ...

Сдѣланный изъ этого выводъ привелъ къ экономическому террору... Только экономическій терроръ, проводимый въ защиту осознанныхъ текущихъ интересовъ рабочей массы, откроетъ ей глаза на то, кто заступникъ и защитникъ ея интересовъ.

И вотъ эта то своеобразная теорія снисканія расположения и симпатіи массъ была заимствована русскими революціонерами отъ насъ. Прославившійся впоследствии поэтъ-каторжникъ Петръ Филипповичъ Якубовичъ (Мельшинъ, П. Я.), авторъ „Въ мірѣ отверженныхъ“; бывший участникъ процесса 50-ти Овчинниковъ, Олесиновъ, Флеровъ и друг. образовали фракцію „Молодой Народной Воли“, настаивавшую на усиленіи агитаціи среди массъ, и опять таки для снисканія симпатіи этихъ массъ выдвигали терроръ экономическій и — въ примѣненіи къ русскимъ условіямъ — аграрный. Это движеніе приняло довольно острый характеръ между „молодой“ и „старой“ „Народной Волей“ и, какъ большинство этого рода конфликтовъ, кончилось взаимными уступками, не удовлетворивъ ни тѣхъ, ни другихъ. Только арестъ съ одной стороны Лопатина, съ другой — Якубовича и Овчинникова примирилъ обѣ стороны, и на процессѣ Лопатина и въ 1887 году Якубовичъ въ произнесенной на судѣ рѣчи окончательно его пытался ликвидировать.

Какъ бы тамъ ни было, но этотъ экономическій, а въ Россіи и аграрный терроръ, — и въ Польшѣ и въ Россіи остался лишь на бумагѣ, въ идеѣ. Всѣ силы сосредоточивались на политической борьбѣ, традиціонный бланкизмъ дѣлалъ свое, — и мало по малу на поверхность всплыла фатальная для Россіи до сегодняшняго дня идея захвата власти... „Народная Воля“ мыслила этотъ „захватъ власти“ послѣ цѣлаго ряда террористическихъ актовъ, какъ актъ, организованный и проведенный въ жизнь ею, „Пролетариатъ“ же въ этомъ вопросѣ болѣе чѣмъ на тридцать лѣтъ опередилъ современный большевизмъ и окрестилъ этотъ ожидаемый захватъ именемъ „диктатуры пролетариата“...

Духовный, идейный союзъ былъ уже заключенъ, формальный — послѣдовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ спустя, причемъ этотъ договоръ двухъ подпольныхъ державъ, предусматривалъ не только территориальное раздѣленіе сферъ вліянія и право на самоопредѣленіе, но и гарантировалъ Центральному Комитету „Пролетариата“ полную самостоятельность съ момента революціи въ проведеніи въ жизнь социальныхъ преобразованій...

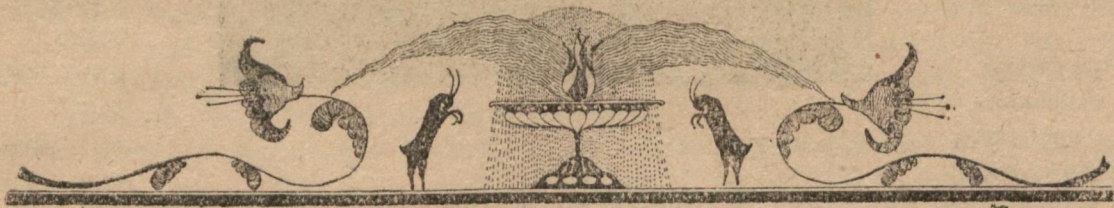
Миссія окончательнаго заключенія и подписанія договора была возложена на Куницкаго, который для этого отправился въ Парижъ

Какъ же мы волновались въ ожиданіи его возвращенія! Этимъ договоромъ мы должны были дѣйствительно приобщиться къ героическому народовольческому движенію... Намъ грезились великіе самоотверженные подвиги... Мы все еще видѣли въ „Народной Воли“ организацію, прогрессивную на весь міръ въ 1880, 1881 и 1882 г., и не замѣчали, что ея слава уже закатывалась, что отъ прежней „Народной Воли“ остались лишь свѣтлыя воспоминанія... Прежде чѣмъ мы успѣли окончательно разочароваться, мы всѣ, почти безъ исключенія, оказались въ тюрьмѣ... Какъ оказалось впоследствии, въ моментъ самыхъ радужныхъ нашихъ грезъ надъ нами уже висѣлъ мечъ, который жестоко и безжалостно долженъ былъ обрушиться на наши горячія головы.

Но до этого момента мы жили, дѣйствовали, готовились къ предстоящимъ новымъ боямъ.

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ).

Эстетика Г. В. Плеханова.

РАЗНООБРАЗІЕ и богатство научныхъ занятій Г. В. Плеханова не позволили ему ограничиться сферой социологическихъ и политическихъ изысканій, но привели къ изученію высшихъ формъ духовной культуры, къ изслѣдованію искусства.

Онъ задумалъ и началъ писать, какъ сообщаютъ близкіе къ нему люди, большую исторію искусства, но другія занятія и политическая борьба не позволили выполнить начатаго замысла.

Г. В. ставилъ своей цѣлью разработку всеобъемлющаго научнаго міросозерцанія, подчиненнаго единому общему методу — историческому матеріализму. Обращаясь къ эстетикѣ, онъ преслѣдовалъ не столько интересы отвлеченной

теоріи искусства, сколько необходимость доказательства правильности метода марксизма въ тѣхъ областяхъ человѣческой мысли, гдѣ реакціонный идеализмъ утвердился наиболее прочно.

Поэтому эстетика Плеханова играетъ извѣстнаго рода подчиненную роль въ его полемикѣ противъ критиковъ историческаго матеріализма. Это обстоятельство нисколько не умаляетъ цѣнности достигнутыхъ имъ результатовъ. Напротивъ. Взгляды на искусство тѣсно слились съ основами социаль-демократическаго пролетарскаго воззрѣнія и образовали необходимую составную часть рабочей культуры.

Интересъ Плеханова къ искусству вполне согласовался съ историческими періодами, которые были разработаны имъ наиболее полно. Три момента художественнаго культурнаго развитія взяты имъ за основу: первобытное человечество, переходная эпоха конца 18-го вѣка во Франціи и народническая литература второй половины 19-го вѣка въ Россіи.

Изучая первобытный коммунизмъ, онъ углублялся въ область дикарскаго искусства. Изслѣдуя первоосновы совре-

Примѣчаніе редакціи. Портреты Г. В. Плеханова, воспроизведенные въ № 8 нашего журнала, даютъ представленіе о немъ въ самомъ началѣ его революціонной дѣятельности и въ эпоху полнаго расцвѣта силъ. Последніе портреты (см. стр. 10 и 11) изображаютъ угасающаго Плеханова (незадолго передъ смертью) и угасшаго (въ гробу, въ день погребенія).

менного материализма у французских просветителей, он слѣдилъ за отраженіемъ общественныхъ вкусовъ и настроеній въ художественной литературѣ. Наконецъ, объясняя естественно-необходимый переходъ отъ народничества къ марксизму, онъ не могъ не подвергнуть критикѣ эстетическія воззрѣнія въ Россіи въ ту своеобразную эпоху, когда литература поглощала въ себѣ почти всю общественную энергію интеллигенціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ художественный уровень ея палъ до невѣроятно низкой ступени.

Характерно, какъ Г. В. начинаетъ свою руководящую статью объ искусствѣ: „Мы скажемъ безъ обиняковъ, что мы смотримъ на искусство, какъ и на всѣ общественныя явленія, съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи. Что такое материалистическое пониманіе исторіи? Извѣстно, что...“ и т. д., и затѣмъ статья образуетъ новую главу въ защитѣ историческаго материализма отъ его критиковъ, въ углубленіи и развитіи основоположеній марксизма.

Эта полемическая пора уже прошла. Сторонники историческаго материализма убѣдились въ его вѣрности, противники нашли удовлетворяющія ихъ доказательства противоположнаго взгляда, и теперь открывается возможность развивать социалистическую эстетику за предѣлами споровъ объ историческомъ материализмѣ, сохраняя его предпосылки и придавая искусству самостоятельное, а не подчиненное значеніе.

Необходимо оговориться. Г. В. совсѣмъ не относился къ произведеніямъ красоты, какъ къ иллюстраціямъ для материалистическаго метода. Онъ умѣлъ цѣнить формы красоты въ ихъ самостоятельномъ, самодовлѣющемъ значеніи, у него было внутреннее отношеніе къ красивому.

Г. В., несомнѣнно, сочувствовалъ мнѣнію Чернышевскаго, что „эстетика — мертвая наука“. Онъ съ извѣстнаго рода презрѣніемъ относился къ буржуазнымъ исповѣдникамъ искусства для искусства, и не цѣнилъ такой красоты, въ которой не заключается элемента „общественной полезности“. Но онъ просто доказывалъ, что искусство не можетъ не быть общественнымъ. „Даже въ тѣ эпохи, — говоритъ онъ, — когда безраздѣльно владычествуетъ такъ называемая теорія искусства для искусства, и когда художники, повидимому, поворачиваются спиной ко всему тому, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ общественнымъ интересамъ, литература не перестаетъ выражать вкусы, взгляды и стремленія господствующаго въ обществѣ класса. Тотъ фактъ, что въ ней получаетъ преобладаніе названная теорія, свидѣтельству лишь о томъ, что въ господствующемъ классѣ или, по крайней мѣрѣ, въ той части его, къ которой обращаются художники, царствуетъ индифферентизмъ по отношенію къ великимъ общественнымъ вопросамъ. Но и такой индифферентизмъ представляетъ собой лишь одну изъ разновидностей общественнаго настроенія, то есть, классоваго сознанія“.

Плехановъ превосходно различалъ цѣлестремительныя задачи художественной критики отъ объяснительныхъ.

Хороша или плоха теорія чистаго искусства, это другой вопросъ. Долженъ ли художникъ проникаться тенденціозностью, не въ этомъ дѣло. Важно то, что даже чистое искусство объясняется законами социальной жизни, и въ этомъ находить свое относительное оправданіе или осужденіе.

Было бы наивно — хотя эта наивность повторяется безъ конца — думать, что социаль-демократы не понимаютъ искусства потому, что стремятся объяснить его изъ социально-психологическихъ и хозяйственно-техническихъ основъ.

Плехановъ превосходно своими оцѣнками доказываетъ противоположное. Онъ необычайно тонко судитъ о поэзіи

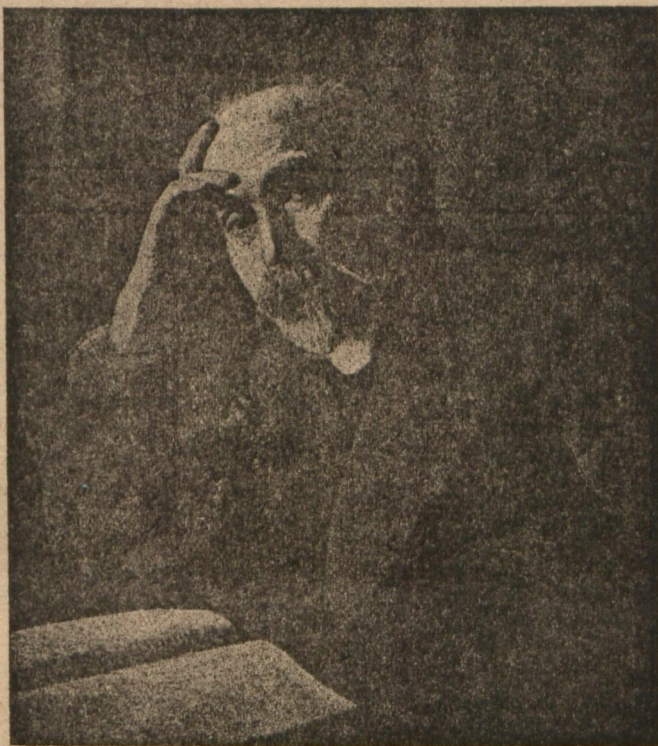
Некрасова, судитъ именно съ чисто эстетической точки зрѣнія. „... анти-эстетическія погрѣшности Некрасова. Его стихъ не гладокъ или, какъ онъ самъ характеризовалъ его, тяжелъ и неуклюжъ. Его языкъ рѣдко бываетъ звученъ. Людямъ, воспитаннымъ на эстетическихъ преданіяхъ сороковыхъ годовъ и избалованнымъ роскошной музыкой стиховъ Пушкина и Лермонтова, должны были рѣзать слухъ шипящіе звуки... Но это еще только полбѣды; это касается только стиха, т. е. внѣшности, такъ сказать, поверхности поэтического произведенія. Бѣда заключается въ томъ, что стихотворенія Некрасова очень часто не удовлетворяютъ художественнымъ требованіямъ даже по своему внутреннему строенію“.

Изъ этого видно, до какой степени высоко Плехановъ чувствовалъ и цѣнилъ и „внѣшность“ искусства и его „внутреннее строеніе“. Значитъ, онъ далеко не ограничивался сужденіями о социальномъ генезисѣ красоты, но самъ относился къ людямъ, „избалованнымъ роскошной музыкой стиховъ“.

Конечно, Плехановъ былъ вполне правъ, говоря, что форма художественнаго произведенія объясняется состояніемъ технического развитія общества, а его содержаніе опредѣляется господствующимъ міросозерцаніемъ. Онъ самъ приводилъ множество примѣровъ, — и научное развитіе ихъ безконечно умножаетъ, — какъ цеховые и академическіе ученые, нехотя, но подчиняясь логикѣ самихъ фактовъ, нисходятъ съ головокружительныхъ вершинъ отвлеченно-безплодной эстетики. Они обращаются къ интерпретаціи, къ толкованію внутренняго смысла эстетическихъ явленій изъ условій промышленной и художественной техники, изъ социально-психологическаго анализа религіознаго, научнаго и политическаго состоянія общества, порождающаго соотвѣтственныя произведенія искусства.

Довольно того факта, что археологія и исторія искусства тѣсно сливаютъ свою работу, что художественная культура старыхъ обществъ непосредственно отыскивается въ ихъ матеріальной культурѣ.

Къ сожалѣнію, самъ Плехановъ былъ ограниченъ въ своей эстетической работѣ рамками того научнаго матеріала, который онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи. Онъ придавалъ

большое значеніе тому методу антропологии, который пользовался данными о жизни современныхъ дикарей для умозаключенія къ первобытному человѣчеству. Богатый матеріалъ, въ томъ числѣ художественный, обнаруженный въ области древней египетской культуры и до-вавилонской, позволяетъ неразрывно сомкнуть звенья, объединяющія нашихъ культурныхъ прародителей съ каменнымъ вѣкомъ, съ бронзовымъ и съ ихъ эстетикой. Но это вина не Плеханова, а его научныхъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ дать много превосходныхъ толкованій дикарскаго искусства изъ условій общественной жизни, объяснилъ его ассоціаціей идей въ области магической религіи, то есть, стоялъ на вполнѣ научномъ пути.

Задача социалистической эстетики не заключается въ томъ, чтобы топтаться по проложеннымъ и разработаннымъ Плехановымъ путямъ.

Передъ нами стоитъ большая и сложная задача, которой онъ не могъ выполнить, поглощенный защитой своего метода въ объясненіи обществѣ искусства отъ нападокъ эстетическихъ идеалистовъ.

Признаніе факта, что искусство возникаетъ на общественныхъ корняхъ, вовсе не обозначаетъ, что оно должно ставить своей цѣлью исключительно общественныя задачи. Признаніе, что искусство имѣетъ внутреннюю цѣнность, цѣнность своей техники и стиля, не означаетъ, что оно ограничено формальными заданиями и формальными достижениями.

Въ Россіи часто впадали въ одностороннюю крайность. Народники увлекались „тенденціями“ въ ущербъ ясности и

строгости красоты. Символизмъ, какъ реакція 90-хъ годовъ противъ грубаго реализма, заявилъ, что „все въ жизни лишь средство для ярко-пѣвучихъ стиховъ“.

Плехановъ превосходно отмѣтилъ значеніе контрастовъ въ исторіи искусства. Общественному тезису народниковъ модернисты возразили своимъ антитезисомъ. Они отрицали содержаніе, вплоть до смысла, въ искусствѣ именно потому, что стояли въ крайней оппозиціи къ старому реализму.

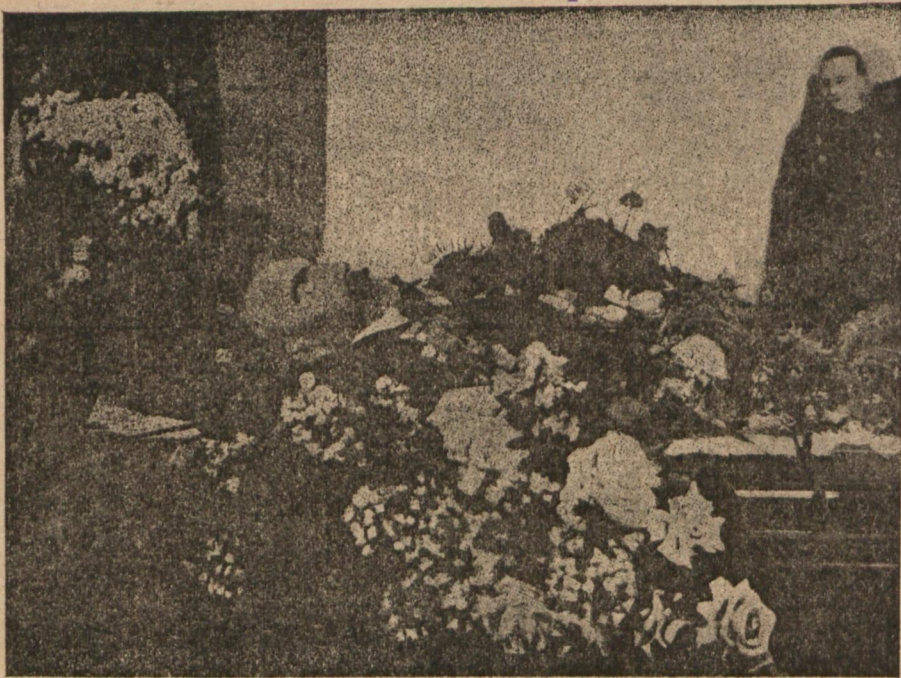
Наивный споръ теченій длится донынѣ. Плехановъ указалъ пути къ его разрѣшенію. Онъ любилъ патетическое искусство, „такъ сильно заставлявшее биться тысячи и тысячи русскихъ сердецъ“, искусство, дѣйствующее на людей съ непреодолимой силой магическаго волшебства, волнующее ихъ волевые импульсы. Но техника и стиль искусства, его высшія современныя достижения, самодовлѣющее богатство линій, красокъ и звуковъ, цѣнность музыкальнаго ритма и красочной симфоніи вовсе не отрицаются.

Плехановъ высказалъ о Горькомъ очень яркое для него сужденіе: если бы Горькій про-

никся марксизмомъ, усвоилъ бы его, онъ понялъ бы, что чистое искусство тоже имѣетъ общественную полезность, хотя бы въ немъ не проводилось никакихъ тенденцій, и не растратилъ бы своего дарованія на проповѣдническіе романы.

На синтетическомъ пути, не боящемся никакой революціонной страстности художника въ области формальныхъ достижений и не отрекающемся отъ художества боевого, социальнаго, патетическаго, лежитъ цѣль эстетики Плеханова.

Валентинъ Рожицынъ.

Себастьянъ Томесъ.

Духъ Зомби, живущій въ мастерской.

БЫЛО это въ Севильѣ въ 1630 году. Въ одинъ прекрасный лѣтній день нѣсколько молодыхъ людей весело спѣшили съ разныхъ концовъ города къ дому знаменитаго художника Мурильо.

Они почти въ одно время подошли къ дверямъ и, дружески поздоровавшись, называя другъ друга по именамъ: Истурицъ, Карлосъ, Фернандесъ, Мендесъ, Ганзалесъ, Кордова, — быстро вбѣжали по лѣстницѣ и вошли въ мастерскую.

Художника еще не было. Ученики поспѣшили къ своимъ мольбертамъ, чтобы посмотреть вчерашнюю работу и узнать, засохли ли краски.

„Св. Іаковъ!..“ вскричалъ Истурицъ: „кто изъ васъ, товарищи, оставался вчера послѣднимъ въ мастерской?“

„Ты, кажется, еще не проснулся!“ отвѣтили въ одинъ голосъ Кордова и Фернандесъ: „развѣ ты не помнишь, что мы вышли всѣ вмѣстѣ?“

„Опять маленькая фигура въ углу моего полотна!“ воскликнул Карлосъ: „и очень недурная. Но кто же это забавляется каждое утро рисованіемъ фигурокъ то на стѣнѣ, то на моемъ полотнѣ. На твоёмъ мольбертѣ, Фернадесъ, тоже была одна“.

„Это Истурицъ, конечно: палитра выдаетъ его“, сказалъ Фернадесъ.

„Честное слово, товарищи, это не я“.

„Не клянись, мы и такъ тебѣ вѣримъ; такую фигуру ты нарисовать неспособенъ“.

„А мои кисти совсѣмъ мокры“, въ свою очередь воскликнулъ Ганзалесъ: „клянусь старымъ патрономъ Испаніи, здѣсь каждую ночь происходитъ что-то сверхъестественное“.

„Ты, быть можетъ, какъ негръ Гомесъ, думаешь, что это все продѣлки Зомби?“ сказалъ Истурицъ.

„Право, это работа Зомби“, вскричалъ Мендесъ, молча разсматривавшій до сихъ поръ одну изъ фигурокъ: „ему слѣдовало бы написать голову Богородицы въ моемъ Снятій со Креста. Въ воображеніи она мнѣ представляется божественной, а моя кисть передать это не въ силахъ“.

Съ этими словами, Мендесъ подошелъ къ своему мольберту, но, бросивъ взглядъ на него, вскрикнулъ и блѣдный остановился передъ полотномъ.

Прекрасная голова Богородицы, только еще набросанная, но съ дивнымъ выраженіемъ, чистотой линий выдѣлялась изъ окружавшихъ ее лицъ и казалась какимъ-то видѣніемъ.

„Что у васъ случилось?“ раздался рѣзкій голосъ. При звукѣ его ученики, стоявшіе въ изумленіи передъ полотномъ, быстро обернулись и съ глубокимъ уваженіемъ поклонились вошедшему.

„Посмотрите сами, сеньоръ Мурильо“, сказали они, указывая на мольбертъ Мендеса.

„Кто написалъ это, господа, кто написалъ эту голову?“ спросилъ Мурильо съ живостью: „Да говорите же; тотъ, кто набросалъ эту голову, будетъ современемъ учителемъ всѣхъ насъ“. И, видя, что всѣ молчатъ, прибавилъ: „Что же вы не отвѣчаете? Господа, я самъ желалъ бы написать ее. Клянусь душою моего отца, какая кисть, какая тонкость, нѣжность! Мендесъ, дорогой мой ученикъ, это ты? Говори“.

„Нѣтъ, сеньоръ!“ сказалъ Мендесъ печально.

„Однако же, не могла вѣдь она явиться чудомъ!“ сказалъ сеньоръ Мурильо съ нетерпѣніемъ.

„Мнѣ кажется, что это такъ, сеньоръ“, отвѣтилъ Кордова, самый юный изъ учениковъ, котораго все происходящее въ мастерской пугало: „Это уже не первое чудо здѣсь. Тутъ есть привидѣнія, сеньоръ“.

Мурильо засмѣялся.

„Конечно, я не такъ глупъ, какъ Кордова“, сказалъ Фернадесъ: „но...“

„Мерси!“ произнесъ Кордова.

„Не стоитъ благодарности, мой милый. И, какъ я уже сказалъ, сеньоръ, я не такъ глупъ, какъ Кордова, но нужно сознаться, что ужъ съ давнихъ поръ здѣсь происходятъ вещи невѣроятныя“.

„Что же именно?“ спросилъ Мурильо, не переставая любоваться Богородицей, созданной неизвѣстной кистью.

„Исполняя ваши приказанія, сеньоръ“, продолжалъ Фернадесъ: „мы никогда не оставляемъ мастерской, не

приведя въ порядокъ всего, не вычистивъ палитры, не вытеревъ кистей, не поставивъ на мѣсто мольберта, а когда утромъ приходимъ, не только все вверхъ дномъ, кисти и палитры полны красокъ, но еще тамъ и сямъ появляются фигуры и, клянусь, восхитительныя“.

„Я бы хотѣлъ быть этимъ неизвѣстнымъ, господа, и конечно не отказался бы ни отъ этихъ линий, ни отъ колорита. Въ наброскѣ есть, правда, нѣкоторые недостатки, но они не важны, а голова эта просто дышитъ!... Себастьянъ, Себастьянъ!“ закричалъ онъ, прерывая себя.

„Себастьянъ! Мы сейчасъ узнаемъ, господа, чья это работа. Себастьянъ!“ обратился онъ къ маленькому негру, явившемуся на зовъ. На видъ ему было не болѣе четырнадцати лѣтъ.

„Я вѣдь приказывалъ тебѣ спать здѣсь каждую ночь?“

„Да, господинъ“, отвѣтилъ ребенокъ смущенно.

„И ты спишь здѣсь?“

„Да, господинъ“.

„Ну, такъ говори, кто входилъ сюда ночью или утромъ раньше этихъ господъ?... Говори же, рабъ, или я тебя накажу!“

„Никто, господинъ, никто не входилъ сюда“, поспѣшилъ отвѣтить Себастьянъ, весь дрожа.

„Ты лжешь!“.

„Никто, кромѣ меня, клянусь вамъ, господинъ“, сказалъ Себастьянъ, бросаясь на колѣни посреди мастерской и съ мольбой протягивая руки.

Въ бою.

„Слушай хорошенько! Сегодня ночью ты будешь бодрствовать и, если завтра не откроешь виновнаго, ты получишь двадцать пять плетей. Слышишь? Теперь иди растирать краски, а вы, господа, за работу“.

Начался урокъ. Сначала все шло спокойно, пока былъ Мурильо. Но послѣ его ухода ученики вознаграждали себя за это стѣсненіе, а такъ какъ въ данную минуту болѣе всего ихъ занимали появляющіяся каждую ночь таинственныя фигурки, однѣ на смѣну другимъ, разговоръ завязался на эту тему.

Мендесъ вскричалъ первый:

„Берегись плетей, Себастьянъ, если ты не узнаешь виновнаго. Передай мнѣ неаполитанскую желть“.

„Она Вамъ не нужна, сеньоръ Мендесъ, и безъ того Вы пишете достаточно желто... А что касается виновнаго, то я Вамъ говорю, что это Зомби“.

„Какъ они глупы и смѣшны, эти негры, со своимъ Зомби!“ произнесъ Ганзалесъ, смѣясь.

„Зомби—это духъ, такъ сказать. Но берегитесь, сеньоръ Ганзалесъ“, отвѣтилъ Себастьянъ съ лукавымъ видомъ: „Зомби такъ вытянулъ руку вашему Св. Іоанну, что если и другая будетъ подобна первой, онъ въ состояніи будетъ развязать свою обувь, не нагибаясь“.

„Знаете, господа, что Себастьянъ дѣлаетъ очень вѣрные замѣчанія“, сказалъ Истурицъ, бросая взглядъ на Св. Іоанна.

„Говорятъ же, что негры походятъ на обезьянъ, а языкомъ еще больше—на попугая“, произнесъ Ганзалесъ, стараясь казаться равнодушнымъ.

„Но попугай бессмысленно повторяетъ слышанное, а Себастьянъ подмѣчаетъ и говоритъ вѣрно“, замѣтилъ Фернадесъ.

„Случайно, какъ попугай“, возразилъ Ганзалесъ.

„Впрочемъ, не удивительно, что, растирая краски, онъ научился различать ихъ,“ сказалъ Мендесъ, не забывшій еще неаполитанской желти.

„Различать, товарищи, или умѣть ими пользоваться — двѣ вещи разныя,“ возразилъ Себастьянъ, которому, благодаря свободѣ, господствовавшей въ мастерской, ученики позволяли принимать участие въ разговорахъ. Притомъ попятливость негра и вѣрность его взгляда были таковы, что часто ученики, неувѣренные въ отбѣнкѣ или тонѣ, не пренебрегали совѣтоваться съ нимъ и слѣдовать его указаніямъ, всегда вѣрнымъ и правильнымъ. Посмѣиваясь надъ нимъ часто, они всѣ его очень любили, и вечеромъ въ этотъ день, уходя изъ мастерской, ни одинъ не прошелъ мимо него, не похлопавъ его дружески по плечу и не сказавъ: „Не спи же, Себастьянъ; поймай Зомби, а то получишь плетъ“.

Наступила ночь, и мастерская сеньора Мурильо, знаменитаго живописца Севильи, оживленная днемъ, стала тихой и пустынной. Одна лампа горѣла на мраморномъ столѣ, а возлѣ, приклонившись къ мольберту, стоялъ мальчикъ: темный цвѣтъ его лица сливался съ окружающимъ его мракомъ, но глаза горѣли, какъ брилліанты.

Разсвѣтало, когда онъ очнулся.

„За дѣло, за дѣло, Себастьянъ! Только три часа твоихъ, пользуйся ими, все остальное время принадлежитъ твоему господину, рабъ; пользуйся свободой въ эти три часа“.

И онъ стряхнулъ съ себя сонъ.

„Прежде всего сотремъ эти фигуры“.

Онъ взялъ кисть и, обмакнувъ ее въ масло, подошелъ къ Богородицѣ, которая въ полусвѣтѣ казалась еще нѣжнѣе.

„Стереть ее, уничтожить“, промолвилъ онъ: „Нѣтъ, я предпочитаю вынести удары, быть убитымъ. Уничтожить ее! Они не сдѣлали этого, а у меня будетъ больше мужества, чѣмъ у нихъ? О нѣтъ, голова эта живетъ, дышитъ, говоритъ!.. Боже! если бы я ее теперь стеръ, мнѣ казалось бы, что я ее убилъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше dokonчу ее!“

Становилось все свѣтлѣе, взошло солнце, а Себастьянъ, погруженный въ свою картину, оживавшую подъ его кистью, и забывъ все на свѣтѣ, продолжалъ работать.

„Еще одинъ штрихъ, затѣмъ болѣе свѣтлый тонъ сюда, затѣмъ ротъ...“

Вдругъ онъ услышалъ шумъ сзади себя. Поспѣшно обернувшись, съ ужасомъ увидѣлъ всѣхъ учениковъ съ художникомъ во главѣ.

Онъ даже не подумалъ оправдываться. Опустивъ голову и держа въ одной рукѣ палитру, въ другой кисти, онъ молча ждалъ заслуженнаго наказанія.

Сдѣлавъ знакъ ученикамъ, которые не могли сдержать восклицаній восторга, Мурильо приблизился къ Себастьяну. Скрывая волненіе подъ холоднымъ суровымъ видомъ и переводя взоръ съ своего раба, какъ бы превратившагося въ

статую, на прекрасную голову Богородицы, которая, казалось, дышала, онъ сказалъ:

„Кто былъ твоимъ учителемъ, Себастьянъ?“

— „Вы...“ отвѣтилъ ребенокъ едва слышно.

„Я?“

— „Вы, господинъ...“ повторилъ онъ дрожа.

„Я тебѣ никогда не давалъ уроковъ“, сказалъ изумленный Мурильо.

— „Но вы давали ихъ другимъ, а я слушалъ“, отвѣчалъ ребенокъ смѣлѣе, при болѣе мягкомъ тонѣ его голоса.

„И, клянусь патрономъ Испаніи, ты сдѣлалъ больше, чѣмъ только слушалъ: ты воспользовался ими“, продолжалъ художникъ, восторгъ котораго прорывался помимо его воли. „Господа, этотъ ребенокъ заслуживаетъ наказанія или награды?“ прибавилъ онъ, обращаясь къ ученикамъ.

При словѣ „наказаніе“ Себастьянъ обмеръ, слово „награда“ его снова оживило; но, думая, что онъ ослышался, ребенокъ робко поднялъ глаза на своего господина, какъ бы моля его о пощадѣ.

„Награды, сеньоръ“, вскричали ученики въ одинъ голосъ.

„Хорошо, но какой?“

Себастьянъ перевелъ духъ.

„По меньшей мѣрѣ десять дукатовъ“, вскричалъ Мендесъ.

„О, пятнадцать, сеньоръ“, прибавилъ Фернандесъ.

„Нѣтъ, лучше новое красивое платье къ празднику Богородицы“, сказалъ Ганзалесъ.

„Ну, говори, Себастьянъ“, спросилъ Мурильо, глядя на ребенка, котораго, казалось, ни одно изъ предложеній не трогало: „говори, нравятся ли тебѣ эти награды?“

— „О, господинъ, если бы только я смѣлъ!“...

И Себастьянъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сложилъ руки; на его полуоткрытыхъ устахъ, въ его выразительныхъ глазахъ читалась жгучая мысль, которую удерживала высказаться только робость.

„Ну, Себастьянъ, смѣлѣе!“ говорилъ сеньоръ Мурильо, улыбаясь нерѣшимости мальчика въ выборѣ наградъ, какъ онъ думалъ.

„Сеньоръ сегодня такъ добръ, отважся, попроси у него свободы“, сказалъ Фернандесъ почти громко.

Изъ груди Себастьяна вырвался болѣзненный стонъ. Безсильный долѣе сдерживать свое волненіе, Мурильо кинулся къ Себастьяну и, взявъ его на руки, прижалъ къ своей груди.

„Съ сегодняшняго дня ты не только мой ученикъ, но и мой сынъ. Счастливъ ты, Мурильо, ты создалъ больше, чѣмъ картины — ты создалъ художника“.

Мурильо сдержалъ свое слово: Себастьянъ Гомесъ, болѣе извѣстный подъ названіемъ негра Мурильо, сдѣлался, благодаря своему учителю, однимъ изъ величайшихъ живописцевъ, гордостью Испаніи.

Перев. съ франц. *Сергій Мировичъ.*

Восточный городъ.

Выставка работъ художниковъ Элеоноры Блохъ (скульптура) и Эдуарда Штейнберга (живопись и графика).

В АКОНЧИЛАСЬ выставка двухъ талантливыхъ художниковъ. Къ сожалѣнію, она не привлекла къ себѣ вниманія публики. Печать почти не отозвалась на выставку, если не считать случайной замѣтки въ одной мѣстной маловліятельной газетѣ. И это очень несправедливо. Оба художника заслуживаютъ серьезнаго вниманія.

Эдуардъ Штейнбергъ выставляетъ свои картины не въ первый разъ. Многие изъ того, что собрано въ залѣ „художественнаго цеха“, уже знакомо. Новаго — всего нѣсколько полотенъ.

Импрессионизмъ принято теперь считать теченіемъ умирающимъ; — лѣвыя группы художниковъ отъ него отошли. Но въ широкихъ, главнымъ образомъ, молодыхъ кругахъ за него держатся еще крѣпко.

Къ импрессионистамъ надо отнести и Эдуарда Штейнберга.

Штейнбергъ идетъ въ своей живописи разработанными путями. Порой чувствуется у него свой творческій собственный замыселъ, но и тутъ любимые художники не теряютъ надъ нимъ власти. Такъ, въ интереснѣйшихъ по композиціи картинахъ „Жнецы“ и, особенно, „Въ полѣ“ сильно чувствуется вліяніе Милле. Яркая и смѣлая гамма красокъ „Экстаза“ заставляетъ вспомнить Гогена. Блѣдное, розово-зеленое „Панно“ написано въ тонахъ Пювисъ де Шавана, а всадница на первомъ планѣ картины трактована въ духѣ М. Дени.

Наиболѣе оригинальной картиной Штейнберга кажется „Семья“ — стилизованный жанръ.

Непріятна въ живописномъ залѣ Штейнберга слишкомъ необузданная красочность, переходящая въ пестроту. Не хватаетъ тонкой красочной музыкальности.

Значительнѣе Штейнбергъ, какъ графикъ. Хорошо зная технику, онъ умѣетъ подыскивать для своихъ замысловъ наиболѣе выразительную форму.

Форму въ графикѣ, въ противоположность живописи, Штейнбергъ чувствуетъ хорошо и умѣетъ зафиксировать ее въ рисунокъ, твердо и опредѣленно (сгоquis). Запоминаются прекрасныя въ

своей вычурной простотѣ китайскія статуэтки, небольшое стѣнное украшеніе со стилизованнымъ бизономъ у озера, сдѣланный въ духѣ финскаго художника Галлена „Зимній Пейзажъ“ и эскизъ къ картинѣ „Милосердіе“.

Останавливаетъ вниманіе рядъ рисунковъ сухой тушью. Одинъ изъ нихъ — двѣ дороги, — одна прямая дорога, другая взметнувшаяся ввысь широкой полудугой, — прекрасенъ. Сквозь разсудочную стилизацію осязается горячій творческій порывъ.

Разставаясь съ Штейнбергомъ, надо отмѣтить серьезность и напряженность работъ этого еще неустановившагося и не нашедшаго себя художника. Одна изъ самыхъ лучшихъ его картинъ, „Панно“ — послѣдняя по времени. Значитъ, творчество и достиженіе — впереди.

Имя Элеоноры Блохъ — новое для Россіи. Какъ извѣстно, она ученица Родэна. А это уже много: Родэнъ оставилъ у себя только талантливыхъ учениковъ.

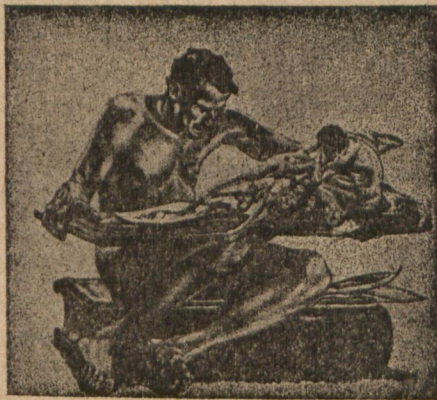
Изъ девяти вещей, выставленныхъ Э. Блохъ, самой интересной надо признать портретъ ея учителя. Портретъ правильно задуманъ и прекрасно выполненъ, — только общей монументальностью и нѣкоторой упрощенностью чертъ и можно передать лицо создателя статуи „Мыслитель“ и памятника Бальзаку.

Но, если въ этомъ портретѣ Э. Блохъ почувствовала и передала стиль Родэна, оставаясь самостоятельной, то въ „Группѣ“ она подпадаетъ подъ явное вліяніе своего учителя. Оно ощущается во всемъ — въ общей смутности очертаній юноши и дѣвушки, спящихъ истомой любви, въ трактовкѣ лицъ, тѣлъ.

Очень хороша у Блохъ мраморъ, особенно, — голова дѣвушки — капризная нѣжность и очень тонкая чувственность. Отъ этой статуэтки трудно оторваться глазамъ. И за Родэна и эту головку можно простить глубокой талантливой скульпторшѣ нѣсколько другихъ ея вещей, грамотныхъ и даже, можетъ быть, хорошихъ, но не волнующихъ.

Александръ Гатовъ.

О
книгахъ.

(Литературная
современность).

Искусство въ Совѣтской Республикѣ.

„Творчество“. Литература — Искусство — Наука — Жизнь. Изд. Московскаго Совѣта раб. и крестьянск. деп. подъ ред. А. Серафимовича, В. Фриче, Н. Мецеракова. Ежемѣсячникъ, №№ 1-2. „Пламя“, еженед. общедоступный, научно-литературный и художеств.-иллюстр. журналъ подъ ред. А. Луначарскаго. Изд. Петроградскаго Совѣта раб. и красноармейскихъ депутатовъ. №№ 1-8.

Среди болотъ въ томлени хиломъ,
Цвѣткомъ печальнымъ и унылымъ
Восходитъ блѣдная краса.

Невольно приходятъ на память эти строки О. Сологуба, когда слѣдишь за первыми зачатками пролетарскаго искусства въ Совѣтской Россіи.

Двумя официально-художественными журналами державныхъ Совѣтовъ не ограничивается стремленіе господствующихъ на Сѣверѣ партій проложить рабочему классу путь въ заповѣдный замокъ красоты.

Анархисты въ Москвѣ стараются развить въ своей газетѣ отдѣлъ творчества и помѣщаютъ художественный матеріалъ, исходя изъ идеи свободной атеистической и научной эстетики на основѣ автономной личности.

Лѣвые эсеры обладаютъ богатыми литературными силами, и у нихъ намѣчается новый стиль революціонной поэзіи, въ которой мотивы стараго народничества и даже славянофильства фантастически смѣшаны съ футуризмомъ и пролетарскимъ социализмомъ. Впрочемъ, они пока только намѣчаютъ заданія, не имѣя пока силъ осуществить свой эстетическій манифестъ.

Императорская Россія была богаче искусствомъ. Великолѣпныя, драгоцѣнныя, часто безвкусныя, холодныя по содержанію, но все же грандіозныя художественныя изданія старыхъ академій привлекали къ себѣ наряду съ бюрократической бездарью и большихъ мастеровъ.

Убогая роскошь совѣтскихъ изданій печально контрастируетъ съ тѣмъ, что было раньше... Но, быть можетъ, уступая былымъ официальнымъ изданіямъ по внѣшнему блеску, эти журнальныя тетрадки даютъ что-нибудь новое въ области художественныхъ исканій?

Прежде всего, необходимо отмѣтить бьющее въ глаза противорѣчіе. Московскіе большевики видятъ пролетарское искусство въ очень упрощенномъ реализмѣ, а петроградскіе отважно бросаются въ объятія самаго крайняго футуризма и кубизма. Очевидно, кто-то изъ нихъ неправъ, кто-то ведетъ искусство по неправильному пути.

Въ „Творчествѣ“ господствуетъ Серафимовичъ. Фриче пылаетъ лирическимъ пафосомъ, но то, что онъ даетъ теперь, гораздо ниже его старыхъ превосходныхъ опытовъ изученія западной литературы съ точки зрѣнія марксизма.

Серафимовичъ продолжаетъ серію снимковъ съ натуры, написанную имъ въ большой поѣздкѣ по Россіи во время январской—февральской гражданской войны. Предлагаемые имъ рассказы не отличаются отъ всѣхъ прочихъ: заурядность бытовыхъ наблюдений, грубость рисунка и рѣзкое политическое шаржированіе.

Меньшевики обязательно „пѣвучій, сладкій, лицемѣрный, безъ мыла влѣзающій въ душу“... Наоборотъ, удалые головорѣзы какъ-то большевики выходятъ у А. Серафимовича сказочными героями, обклеенными сусальнымъ золотомъ, какъ пряники...

Быть и рассказы, рассказы и быть, — этимъ матеріаломъ заполнены страницы „Творчества“ и въ значительной мѣрѣ „Пламени“. Но рассказы, какъ художественная форма, явно вымираютъ въ настоящее время, въ связи съ общей революціей въ области прозы. Хорошимъ мастерамъ рассказа трудно выбиться изъ его заѣзженныхъ колеи, а тѣмъ болѣе самоучкамъ-рабочимъ, безпрепятственно тискающимъ свои первые опыты въ совѣтскихъ журналахъ.

Тяжелы стихи въ обоихъ журналахъ. Сплошная поэтическая аллегорія. „Цѣпи“, „молоты“, „суровые прекрасные бойцы“, „благо народа“, „вихри бури міровой“, „рѣки, льющіяся въ море Интернаціонала“.

Этого рода искусство кружится въ заколдованномъ кругу. Оно хочетъ быть выраженіемъ дѣйствительности, но не въ состояніи найти ни словъ, ни образовъ для ея выраженія. Стихи становятся отвлеченными формулами, боевыми лозунгами, въ рассказахъ повторяются старые сюжеты и невыносимо скучныя маріонетки, вмѣсто „героевъ“.

Почему? — Да потому, что у большевиковъ за революціей въ жизни не послѣдовала эстетическая революція: ихъ государственно-творческое безплодіе отразилось въ ихъ искусствѣ, которое способно только сочинять придворныя ложно-классическія оды въ честь совѣтовъ и красноармейцевъ, готово идеализировать русскаго пролетарія такого, какъ онъ есть, перепечатываетъ батальныя картины Верещагина, палестинскія картинки Полѣнова или даетъ жалкіе фото-этюды...

Вмѣсто всечеловѣческой великой культуры будущаго, то же самое старое народничество, но съ оборотомъ не на крестьянина, а на рабочаго...

Повидимому, кругъ читателей, на которыхъ рассчитано „Творчество“, не сознаетъ внутренней фальши этого революціоннаго сентиментализма. „Извѣстія Ц. И. К.“ съ великолѣпнымъ наивнымъ невѣжествомъ заявляютъ о новомъ журналѣ: „Превосходная бумага, чудесно выполненные рисунки, простота, строгость и изящество обложки, заставокъ и шрифтъ ставятъ его въ рядъ лучшихъ художественныхъ изданій“. Они судятъ объ искусствѣ, какъ негры о шампанскомъ, они приспособляются ко вкусамъ русскаго рабочаго, еще не втянутаго въ кругъ европейской социалистической культуры и не въ состояніи понять, что величіе пролетарскаго искусства вовсе не заключается въ „переживаніи рабочимъ за чтеніемъ нѣсколькихъ яркихъ минутъ въ часы досуга“.

„Пламя“ Луначарскаго построено иначе. Въ немъ противорѣчія популярно-народной беллетристики и новаго искусства обнаруживаются чрезвычайно рѣзко. Очень плохіе рассказы, очень наивно-популярные очерки первобытной культуры сталкиваются здѣсь съ самымъ крайнимъ геометрическимъ кубизмомъ иллюстрацій.

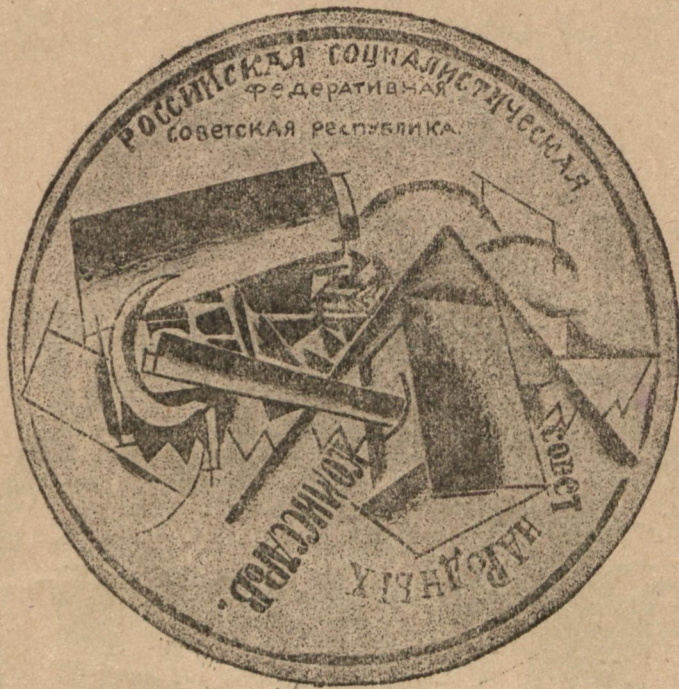
Луначарскій увлекается мыслью соединить социализмъ съ футуризмомъ. Художникъ Кирсановъ пришелъ къ нему на помощь и даетъ рисунки, технически очень слабыя, но зато выдержанные въ духѣ самой модной живописной техники.

Какой прыжокъ въ двухъ журналахъ отъ самаго примитивнаго реализма къ самому необузданному футуризму!..

Но гдѣ же новое искусство? Нельзя создать социализмъ иначе, какъ только на основѣ капитализма, нельзя создать пролетарское искусство, не связывая накрѣпко звенья исторической цѣпи художества, ведущей отъ современнаго искусства къ тому творчеству, которое усвоитъ величіе современности, расширить, углубить его и сдѣлаетъ всечеловѣческимъ на основѣ трудового и свободного общества.

Старые перепѣвы, приспособленные ко вкусамъ рабочихъ-большевиковъ, съ одной стороны, и самый отчаянный кубизмъ съ другой, — вотъ пока все, что въ состояніи была дать Совѣтская республика для дѣла созданія красоты...

В. Р — нѣ.

Н. Пуни.

Проектъ государственнаго герба.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на иллюстрированн. литературно-художественн. еженед.

издаваемый при участіи Союза Интернаціоналистовъ Дѣят. Искусства.

Въ журналѣ „КОЛОСЬЯ“ печатаются „ВОСПОМИНАНІЯ“ Феликса КОНА, которыя выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книгой въ издат. „Соціалистической Мысли“. Въ отдѣлѣ „РОССІЯ ВЪ ОХРАННОМЪ ОТДѢЛЕНІИ“ помѣщаются документальныя данныя архивовъ охранныхъ отдѣленій, характеризующія въ біографіяхъ и портретахъ дѣятелей современной Россіи, а также наиболѣе интересные циркуляры, донесенія и агентурныя сообщенія.

Подписная цѣна—3 руб. въ мѣсяцъ, съ пересылкой—4 руб. Цѣна отдѣльнаго номера—75 коп.

Редакція и Контора: Харьковъ, Николаевская пл., № 23, домъ Городской Управы.

Приѣмъ объявленій въ конторѣ: цѣна 3 р. за строку петита до текста и 2 р. послѣ текста.

Секретарь принимаетъ въ понедѣльникъ и среду отъ 11 до 12 час. дня.

Редакторы: Ф. Конъ и В. Рожицынъ.

Издательство „Соціалистическая Мысль“.

Цѣна 75 коп.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПЕРВЫЙ